

Конфликт красоты и страдания имеет давнюю литературную традицию. Непосредственными предшественниками Анненского в подобной постановке и разрешении проблемы помимо Вагнера, по всей видимости, являются О. Уайльд и Ф. Достоевский [14].

Во втором катрене противопоставление концертного вальса и монументальной симфонической драмы развивает тему конфликта между красотой и страданием, переводя ее в общефилософскую плоскость конфликта между тленным и вечным. Разрешение конфликта — в смерти лирического героя. Персонификация абстрактных понятий «тьень» и «смерть» не случайна: Здесь Анненский вновь следует традициям своих предшественников. Именно в смерти обретают прощение и покой герои Вагнера (Кундри), Уайльда (Дориан Грей), Достоевского (Настасья Филипповна), что соответствует, по Гегелю, романтическому типу восприятия, согласно которому «смерть устраняет ничтожное и тем способствует освобождению духа от его конечности и раздвоенности, равно как и духовному примирению субъекта с абсолютном» [15, с. 237].

Заключительное четверостишие стихотворения «О нет, не стан...», отделенное от основного текста авторским отточием, представляет собой своеобразный эпилог лирического действия, в котором основные темы стихотворения вербализуются уже в терминах поэтики Анненского.

Можно выделить два образно-синонимических ряда: «соблазн — банально-пестрый — скука — рай» и «страдание — мечта — тень — смерть — мука — краса». Противопоставленные в данном контексте, эти синонимические ряды и их доминанты («скука» и «мука») вместе с тем тяготеют друг к другу и в полифонической структуре идиостилия Анненского соединяются в едином имени — «pothōi».

Таким образом, «скука» становится в поэзии Анненского «символом опустошенного существования человека в обнаженно материальном мире» [10], мука — стремлением к «сияющей красе», т. е. к идеалу, совершенству.

В стихотворении «В волшебную призму», композиция которого аналогична анализируемому стихотворению «О нет, не стан...», темы красоты, страдания и искупления рассмотрены применительно к творчеству самого поэта:

Хрусталь мой волшебен трикраты
Под первым устоем ребра —
Там руки с мученьем разжаты,
Раскидано пламя костра.

Но вновь не увидишь костер ты,
Едва передвинешь устой.
Там бледные руки простерты
И мрак обнимают пустой.

Нажмешь ли устой ты последний —
Ни сжатых, ни рознятых рук.
Но радуги нету победней,
Чем радуга *конченных мук!*

Как писал Е. Архиппов, один из первых исследователей и пропагандистов творчества Анненского, анализируя это стихотворение: «Гераклитовский огонь ума, Еврипидова мудрость жизни и Себастианова мука сердца — три грани — составляют единую сокровищницу личности и духа Иннокентия Федоровича» [16, с. 7].

ИДЕАЛ

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов.
И скуки черная зараза
От покидаемых столов